

Юрченко Н. А.

**Градостроительные планы Кишинева 1817 и 1834 гг.,
или Откуда есть пошел европейский город Кишинев**

На сегодняшний день градостроительные планы Кишинева 1817 и 1834 гг. хорошо известны и достаточно широко представлены, в том числе в Интернете на различных форумах, посвященных истории города. Однако детальный архитектурный анализ, позволяющий сделать выводы об их исключительной роли в формировании исторического центра Кишинева, до сих пор не получил должного освещения в научной литературе. Между тем, эти планы фиксируют тот изначальный ход градостроительных преобразований, который коренным образом повлиял на превращение прежде сельского населенного пункта Кишинев (каким он являлся до присоединения Бессарабии к России в 1812 г.) в город «европейской наружности»¹.

Так, на плане 1817 г. четко просматривается деление Кишинева на две противоположные по своей структурной характеристике городские половины. Нижняя половина – старый город, приютившийся в излучине реки Бык, который был основан за три с половиной века до разработки данного плана. Сложился он стихийно, на естественном холмистом рельефе, поэтому планировочная организация его во многом зависела от

Фото 1. Архангело-Михайловская церковь (не сохр.)
(личный архив автора)

природных условий. Ключевые акценты в нем – церковные сооружения, скромного облика, большей частью деревянные, унаследовавшие черты молдавского средневекового культового зодчества. Вокруг церквей формировались базарные площади, служившие средоточием общественной жизни (Фото 1).

Став в начале XIX в. одним из стратегически важных опорных пунктов юга Российской империи в борьбе с Османской Портой, город уже не отвечал возросшим требованиям. Понадобилась его коренная перестройка. В короткие сроки осуществить ее было практически невозможно. Решение было найдено в создании нового города, который составляет верхнюю половину данного проекта. Эта новая, «европейская» часть Кишинева планировалась не на старой сетке улиц, а на незастроенном пространстве. Она была решена в соответствии с функционально-рационалистическими концепциями русского градостроения эпохи классицизма, с использованием классических регулярных схем.

Организовано архитектурно-планировочные мероприятия в Кишиневе начали проводиться после выполнения топографической съемки города в 1813 г. Ее осуществили первый бессарабский землемер и архитектор М. Озмидов и инженер И. Гартинг (Смирнов, 1975, 16).

Представляется, что именно этот момент следует считать поворотным в градостроительной истории Кишинева. В результате этой съемки была сделана попытка нанести на план имеющиеся городские владения, а также предполагаемые направления улиц. Но что особенно хочется подчеркнуть, что после нее началось строительство зданий на неосвоенной

до того верхней территории города. Наиболее выигрышный холм в новой, верхней части Кишинева был отведен митрополии как самому представительному сооружению (Фото 2).

Рядом с ним приступили к возведению здания семинарии. Участок, занимаемый ими, с трех сторон окружали обширные зеленые массивы, один из которых уже тогда задумано было превратить в публичный сад. Остальные здания: дом армянского архиепископа, каменные городская больница и острог, деревянные провиантские магазины и ряд обывательских жилых домов располагались несколько поодаль от этого возвышения. Но в целом строительство зданий в этой части города велось еще без учета общего генерального плана.

Первые результаты урегулирования планировки Кишинева на основе классических градостроительных схем просматриваются, как уже было сказано, только спустя четыре года после топографической съемки на впервые обнаруженном нами в Военно-историческом архиве (РГВИА, ф. ВУА, д. 2203) плане города 1817 г. (Юрченко, 1997, 96-100) (Фото 3).

План этот до сих пор оставался неизвестным. Между тем, он имеет большое значение для анализа тех приемов, которые легли впоследствии в основу регулярной классической планировки Кишинева. Это важно отметить, потому что до недавнего времени считалось, что Кишинев был распланирован согласно плану 1834 г. то есть в период, когда стали уходить в прошлое приемы русского классицизма, а градостроительные принципы его принимали все более догматический характер. На самом же деле найденный план 1817 г. показывает, что классическая основа Кишинева была заложена раньше, уже вскоре после победоносного окончания Отечественной войны 1812 г., и что его новый генеральный план

Фото 2. Здание митрополии (не сохр.) (личный архив автора)

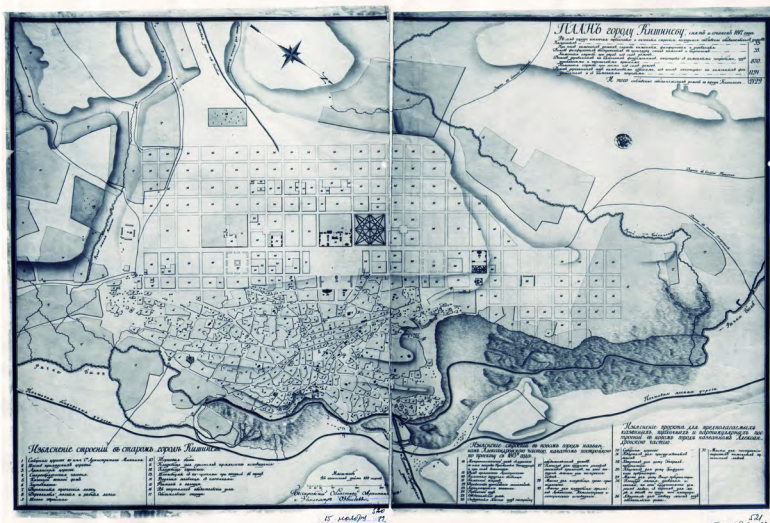

Фото 3. План Кишинёва 1817 г. (личный архив автора)

входит в число тех многочисленных планов русских городов, которые создавались в эти годы при активном участии петербургского архитектора-градостроителя В. И. Гесте, который руководил разработкой этих планов в «Комитете для строений и гидравлических работ» под руководством А. А. Бетанкура (1816).

В списке спроектированных Гесте генеральных планов городов Кишинёв не обозначен, однако его план создавался, видимо, под их непосредственным воздействием. Он представляет собой, по существу, почти точную копию с одного из «высочайше» подтвержденных образцовых планов. Причем в нем уже намечены все основные особенности будущего генерального плана города, утвержденного в 1834 г. Возможность без каких-либо существенных корректив применить к конкретному городу «типовой» классический план была обусловлена тем, что новая, «верхняя» часть Кишинёва планировалась, как уже было отмечено, не на старой сетке улиц, а на незастроенном пространстве, дававшем свободу для воплощения в жизнь идеально правильных планировочных схем.

Так, регулярно распланированный город должен был иметь центральную площадь, расположенную, как правило, на пересечении двух взаимно перпендикулярных осей. В данном случае горизонтальная и вертикальная оси были проведены через проектируемую соборную площадь. Сделано это было таким образом, что, прорезая площадь, продольная ось превращалась в центральную улицу, на которую был ориентирован главный

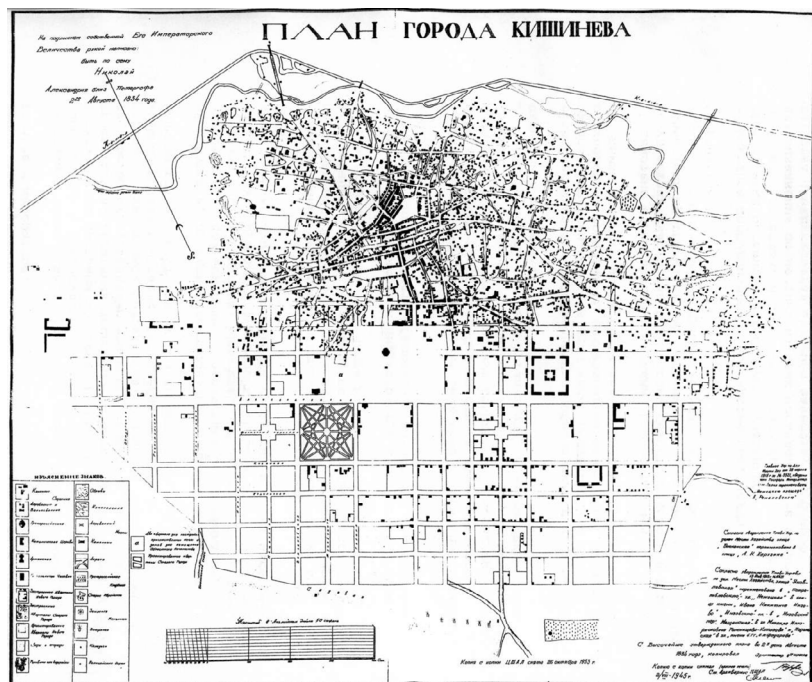

Фото 4. План Кишинева 1834 г. (личный архив автора)

фасад митрополии. Поперечная же ось, проходя по линии, симметрично делящей расстояние между старым торговым центром и площадью Архангело-Михайловской церкви (прежде главного храма) в нижней части Кишинева зрительно как бы продолжала их перспективу и одновременно давала возможность соборной площади доминировать в городском пространстве, благодаря повышению рельефа от старого центра к новому. На эти главные композиционно-пространственные оси в плане 1817 г. и «нанизаны» прямоугольные кварталы нового города, количество и размер которых были подобраны так, что соборная площадь оказывалась в географической сердцевине Кишинева. Такое положение соборной площади уравнивали еще две площади, раскрывающиеся на главную улицу. Они находились на одной продольной оси с соборной площадью, по обе стороны от нее на равном расстоянии и были меньше ее по размеру в два раза (приблизительно по 4,4 га). Предназначенные для продажи съестных припасов, дров, леса и сена, и, будучи расположены гораздо удобнее, нежели старые торговые центры, они постепенно оттягивали на себя городскую жизнь, которая концентрировалась затем вокруг Собор-

ной площади. Этим был соблюден еще один принцип градостроительства начала XIX в., когда второстепенные центры композиционно не только подчинялись главному, но и усиливали поле его притяжения.

Итак, в первые десятилетия XIX в. площади не только были намечены как градоформирующие акценты, но и проведено их функциональное разграничение. В основу их плана была положена идеальная геометрическая форма – квадрат. Все три площади были сосредоточены на относительно небольшой тогда территории верхнего города (397,5 га) и ориентированы на главную улицу (названную вскоре Московской). Последняя, соединяясь с ними, спустя лишь десятилетие расширила свое архитектурно-планировочное пространство и превратилась в протяженный центр, что являлось принципиальным композиционным приемом позднего классицизма.

Таким образом, на плане 1817 г. впервые было зафиксировано зарождение градостроительных узлов, которые впоследствии составили основу нового Кишинева. Заслуживает особого внимания то, что этим планом предусматривалась и возможность дальнейшего роста города. В самой верхней его части, с трех сторон от центрального ядра, были задуманы геометрические кварталы, уравнивающие общий симметричный строй Кишинева. Законодательно генеральный план города, закрепивший его регулярную классическую застройку, получил утверждение в Петербурге в 1834 г. В сущности, он повторяет известный нам план 1817 г., с той лишь разницей, что план 1817 г. был проектным, и планировочные замыслы его не распространялись на старый город. Тем не менее, сам момент официального признания генерального плана Кишинева следует оговорить особо, потому что с него, кроме узаконенного, на сей раз планового регулярного строительства, начинается и своеобразная «эпоха» в благоустройстве города.

Дело в том, что при осуществлении плана 1817 г. не была учтена вся специфика пересеченного рельефа Кишинева. Улицы прокладывались довольно быстро, согласно принятой регулярной схеме, но, порой, без достаточной нивелировки местности, так как главной задачей в то время было скорейшее преобразование верхнего города, придание ему облика по классическим меркам «правильного», удобного в сообщении. Здания на этой территории возводились тоже споро, и на плане 1834 г. можно заметить, что почти каждый прямоугольный квартал нового города к этому времени был уже отстроен. Участки, примыкавшие к центру: от Соборной площади до площади Нового базара, между улицами Митрополита Варлаама (бывшей Гостиной) и 31 Августа застраивались каменными домами; более отдаленные: в районе современных улиц 31 Августа, Букурешть, Щусева, Матеевича, от улиц Бэнулеску-Бодони до Чуфли, – в

основном валькованными (то есть глиняно-плетневыми), реже кирпичными (НАРМ, ф. 75, оп. 1). Незастроенной оставалась лишь западная часть нового города: от нынешнего парка Штефана чел Маре до ул. Матеевича в сторону ул. Каля Орхеюлуй.

Благодаря плану 1834 г. мы можем судить, таким образом, как об особенностях планировки нижней части города, подвергнутой на этот раз разбивке на прямоугольные формы, в которые предстояло втиснуть старые кварталы, так и о принципах застройки обеих городских территорий. Каковы они были в старом городе, мы уже знаем. В новом же, «верхнем», преобладала периметральная, по красной линии улиц, застройка кварталов, с обязательным акцентированием их углов и со значительными разрывами между домами. Возможность определить количественное соотношение тех или иных зданий и характер их расположения, а главное увидеть, до какой стадии в целом была доведена классическая застройка Кишинева к моменту появления в нем новых архитектурных течений, – все это дает нам план 1834 г.

Таким образом, можно констатировать, что планомерное строительство в «верхнем» городе началось еще в первой трети XIX в., задолго до официального утверждения самого плана в столице империи, то есть по проекту 1817 г. Рационально выстроенный план «верхней» городской части, в противоположность хаотичной планировке «нижней», являлся прогрессивным, дав толчок развитию Кишинева как делового по духу большого европейского города. Став таковым, он и по сей день сохраняет в своем ныне историческом ядре планировочную структуру и городской центр, заложенные в 1817 г., то есть 200 лет тому назад.

Примечание

¹ Под выражением «европейская наружность» понимается представление о городе, которое начало складываться в русском градостроительстве с петровских времен.

Литература

НАРМ, ф. 75, оп. 1, д. 933, ф. 75, оп. 1, д. 997.

Смирнов В. Ф. Градостроительство Молдавии XIX–XX веков, Кишинев, 1975.

Юрченко Н. А. Малоизвестная страница градостроительной истории Кишинева. В: Amedeo Carrocci. Moldova. Italia: Graficart, 1997, p. 96–100.